

СТОЛЕТИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ И ПЕРСПЕКТИВА СОЦИАЛИЗМА С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ

И. И. АНТОНОВИЧ¹⁾

¹⁾Независимый исследователь, г. Москва, Россия

Анализируются основные направления и пути китайской модернизации, а также особенности противостояния ей США. Делается вывод о том, что успех социализма с китайской спецификой создает мировую ситуацию, в которой на новых социально-экономических цивилизационных основах может быть образовано общество социалистической направленности. Отмечается, что Дэн Сяопин, являясь только председателем Военного совета Центрального комитета Коммунистической партии Китая, руководил процессом китайской модернизации, которая вывела страну на передовые рубежи научно-технического и социального прогресса. Утверждается, что в основе китайского успеха лежит ленинская формула нэпа: использование частного предпринимательства под контролем социалистического государства в целях ускоренного накопления общественного богатства в размерах, необходимых для удовлетворения основных жизненных потребностей граждан. Путь Китая был сопряжен со многими неудачными и трагическими экспериментами, поэтому нынешний социально-экономический цивилизационный рывок является беспрецедентным событием в мировой истории. Отмечается, что реализация целей и задач столь глобального масштаба способна произвести серьезные изменения в миропорядке, но требует и новой политической философии. Успех социализма с китайской спецификой как внутри страны, так и в программах поддержки прогрессивного развития других государств, готовых к сотрудничеству, позволяет дать осторожную оптимистическую оценку китайской перспективе. Сегодня она представляет явную угрозу задачам и целям американского господства в мире.

Ключевые слова: модернизация; американо-китайское противостояние; новый миропорядок; социализм с китайской спецификой.

CENTURY OF THE COMMUNIST PARTY OF CHINA AND THE PERSPECTIVE OF SOCIALISM WITH A CHINESE SPECIFICITY

I. I. ANTONOVICH^a

^aIndependent researcher, Moscow, Russia

The article analyses the main directions and paths of Chinese modernisation, the features of the US' opposition to it, it is concluded that the success of socialism with Chinese characteristics creates a new world situation in which new socio-economic civilisational foundations can create a society of socialist orientation. It is noted that Deng Xiaoping, without holding any government posts, being only the chairman of the CPC Central Committee's Defense Committee, led the process of Chinese modernisation, which brought China to the forefront of scientific, technological and social progress in the world. The author argues that the basis of Chinese success is the Leninist formula of the NEP – the use of private entrepreneurship under the control of a socialist state in order to develop at an accelerated rate of social wealth in the amount necessary to

Образец цитирования:

Антонович ИИ. Столетие Коммунистической партии Китая и перспектива социализма с китайской спецификой. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;4:39–49.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-39-49>

For citation:

Antonovich I. Century of the Communist Party of China and the perspective of socialism with a Chinese specificity. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021; 4:39–49. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-39-49>

Автор:

Иван Иванович Антонович – академик Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор.

Author:

Ivan I. Antonovich, academician of the Russian Academy of Social Sciences, doctor of science (philosophy), full professor.

meet the basic life needs of its citizens. The path of China was fraught with many unsuccessful and tragic experiments, therefore the current socio-economic leap forward in civilisation is an unprecedented event in world history. The implementation of goals and objectives of such a global scale will make serious changes in the world order, and require a new political philosophy. The success of socialism with Chinese characteristics within the country, as well as in programs to support the progressive development of countries and peoples of the world ready for cooperation, allows us to give a cautious optimistic assessment of the future Chinese perspective. And this, according to the author, is today a clear threat to the tasks and goals of American domination in the world.

Keywords: modernisation; American-Chinese confrontation; new world order; socialism with Chinese characteristics.

В июле 2021 г. в Китае широко отмечалось столетие основания Коммунистической партии Китая (КПК). По центральной площади Тяньаньмэнь прошли массовые гражданские демонстрации. С докладом по случаю юбилея выступил председатель Китайской Народной Республики, генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин, который заявил, что китайский коммунизм строит новую модель человеческого прогресса. Ее конкретные исторические очертания должны появиться к 2049 г., когда КПК будет праздновать столетие основания КНР. Си Цзиньпин заявил, что к этому времени Китай станет великой, современной, социалистической страной. Под руководством партии китайские коммунисты намерены реализовать грандиозные планы, невзирая на противостояние коллективного Запада, который пытается навязать Китаю программу сотрудничества и развития, замедляющую его уверенный экономический рост, социальный прогресс и культурную революцию. Политические и экономические элиты Соединенных Штатов внимательно следят за социально-экономическим прогрессом Китая. В данном контексте уместно привести слова 36-го президента США Р. Никсона: «Мир не может быть благополучным до тех пор, пока не изменится Китай» [1].

В то время, когда были произнесены эти слова, направление изменений Китая не было ясно как аналитикам во всем мире, так во многом и самим китайцам. К этому времени Китай пережил несколько серьезных экспериментов, завершившихся ошибками культурной революции. Страна находилась во внешнеполитической изоляции, население страдало от нищеты, и казалось, Китай ожидают тяжелые времена.

Однако случилось неожиданное. В феврале 1972 г. Китай посетил президент США Р. Никсон. Визит готовился тщательно и в большом секрете. Г. Киссинджер, в то время госсекретарь США, несколько раз тайно посещал Китай, отправляясь туда на военном самолете из Пакистана. Иногда, чтобы оставаться незамеченным, надевал парик и менял облик. Для американцев эта игра стоила свеч. Р. Никсон отправился с визитом к руководителю Китая Мао Цзэду, чтобы уговорить его изменить курс на прозападный в обмен на инвестиции и свободный рынок. Английский дипломат Р. Гарсайд опубликовал тогда книгу с провокационным названием «Возвращение

к жизни: Китай после Мао», в которой настраивал китайское руководство принять советы западных стратегов, изменить социально-политическую систему и, понятно, вернуться в сообщество свободных наций [2].

Советы Р. Никсона были внимательно выслушаны, однако Китай пошел своим путем. До сих пор по поводу этого визита не прекращаются споры, не угадали обиды. Визит совершался в большой секретности, о нем ничего не знали ни союзники по НАТО, ни тем более верный исполнитель воли США на Востоке, Япония. Р. Никсон явно хотел, чтобы в случае успеха все лавры достались только ему. Беседы не носили конкретного содержания, однако вопрос о том, кому достались лавры победителя, похоже, получил неожиданный для США ответ. Р. Никсон вскоре пережил угрозу импичмента и позор отставки. Его единственным историческим достижением считался именно визит в Китай. В ходе этих переговоров Мао Цзэду удалось убедить Р. Никсона в том, что Китай на данном этапе не представляет для США военной угрозы и что активная экономическая помощь Китаю была бы выгодна для США и Запада. Безусловно, мотивация этих идей у Мао Цзэдуна присутствовала – опасения по поводу ухудшения отношений между Китаем и СССР. К тому времени они уже достигли своеобразной точки кипения. Было ясно, что возврата к ситуации 1950-х гг. (положению до войны) уже не будет. В мемуарах Р. Никсона, а также в его многочисленных интервью и статьях уже после отставки в августе 1974 г. прослеживается одна и та же мысль: его визит послужил сближению с Китаем, что отвечало стратегическим интересам США, пытавшимся разыграть «китайскую карту» против СССР. Такую оценку давали советские обозреватели. Однако Китай повел себя осторожно и благо разумно. «Китайская карта» против СССР свелась в основном к достаточно интенсивной полемике по ключевым вопросам коммунистического движения. Какого-то серьезного военного противостояния и столкновения не произошло, однако китайская экономическая открытость поспособствовала тому, что в Китай хлынул зарубежный капитал (преимущественно западного происхождения), преобразовавший экономику страны.

Великий экономический рывок в Китае свершился уже после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. Отцом ки-

тайской социально-экономической и политической реформы считался (с полным на то основанием) Дэн Сяопин. Не занимая никаких государственных постов, являясь только председателем Военного совета ЦК КПК, Дэн Сяопин в течение многих лет руководил процессом китайской модернизации, которая вывела Китай на передовые рубежи научно-технического и социального прогресса. КНР могла бы оспорить американское могущество и гегемонию, но не стремится этого делать, предпочитая взаимовыгодное торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество.

Отдавая должное стратегии Дэн Сяопина, отметим, что именно он, преодолев и сопротивление скрытых прозападных сил, сформировавшихся в китайском обществе в ходе социалистического строительства, и догматику старого партийного руководства, вывел страну на путь общественного прогресса, с которого Китай не сворачивает уже в течение десятилетия. У истоков этого великого движения к модернизации стояла все-таки инициатива Мао Цзэдуна, который согласился на приезд президента США Р. Никсона в Китай, сумел убедить его в мирных намерениях Китая и тем самым заложил международную политическую основу китайской модернизации.

К столетию КПК был поставлен фильм под названием «1921», что означает год основания партии. Очень важно, что в фильме прослеживается путь КПК из подполья, процесс длительной борьбы за выживание и революционные действия по завоеванию власти. В фильме однозначно подчеркнута основополагающая роль Мао Цзэдуна как основателя КПК и КНР. Его играют несколько актеров в зависимости от возраста председателя. Картина избегает сенсационности, чрезмерного самовосхваления, однако трезвая оценка успехов и поражений за 100 лет вызвала положительный ответ граждан Китая. Социальные сети заполнены спокойными, рассудительными отзывами на фильм, которые сводятся к тому, что исторический выбор, модернизация Китая были абсолютно правильными, именно по этому пути следует идти дальше, и КПК является единственным лидером в данном контексте.

Конечно, современный Китай обладает колоссальными отличиями от Китая 1970-х гг. в начале модернизации. Сегодня 65 % населения Китая живет в городах. Сотни тысяч крестьян стали фабричными рабочими. Сейчас нехватку рабочих рук испытывает скорее сельское хозяйство, чем промышленность. Бурный научно-технический рост вызвал серьезные проблемы окружающей среды. Все это создает определенные трудности, однако важно, что они открыто обсуждаются в СМИ, причем в дискуссии принимают участие не только экономисты, политики, представители партийных кругов, но и широкий пласт населения. Партия осуществляет свое руководство с исключительной осторожностью, тонко

реагируя на изменения в общественном мнении, настроениях, потребностях китайцев. В ходе модернизации были предприняты решительные меры по подавлению социального мятежа, направленного на изменение политического строя в стране.

Также причиной успеха является стратегическая смелость Дэн Сяопина, отменившего структуру народных коммун, что вызвало бурный рост производительности в сельском хозяйстве. Все это делалось под эгидой следующего теоретического оправдания: если правительство сумело накормить 600 млн китайцев (такова была численность населения на момент начала реформ), оно внесло серьезный вклад в торжество прав человека. Китай остался равнодушным к потокам критики со стороны западных СМИ, которые прибегли к своим традиционным упрекам в отсутствии в КНР демократии, свободы личности и т. д.

Несомненной причиной успеха КПК на пути модернизации западные обозреватели считают бескомпромиссную борьбу с коррупцией, клептократией, принявшую особенно широкие эффективные масштабы под руководством Си Цзиньпина. В западном мире рост модернизации сопровождался и ростом коррупции. Скороспелые мультимиллионеры и мультимиллиардеры занимали ведущие позиции в экономике и торговле и этим определяли достаточно напряженный социально несправедливый путь современного капиталистического развития, постоянно обостряющий противоречия между богатыми и бедными, обуславливающий социальное неравенство и угнетение трудящегося человека.

В течение последних десяти лет, в условиях ускоренного развития китайской экономики и включения Китая в глобальные цепи товарообмена, научно-технического развития, политических инициатив, подобная критика особенно усилилась, однако предсказания о неминуемом крахе китайской экономической модели не оправдались. Несбыточности этих катастрофических прогнозов в значительной степени способствует бескомпромиссная борьба, которую Си Цзиньпин сегодня ведет не только против коррупции, но и против враждебных посягательств на суверенитет и национальные интересы Китая.

Все эти успехи являются результатом умной и дальновидной политики КПК, что признают критики и недоброжелатели, в том числе западные. По этому поводу английский журнал *The Economist* пишет: «В ходе эры Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина партия участвовала во всем. Партийные руководители принимали все меры к модернизации в первую очередь в деревне, где сначала жило большинство китайцев. В городах, где в начале реформ люди работали в государственных или общественных организациях, партийное присутствие было всеобщим. Главной ее задачей был контроль за безупречным выполнением принятых планов, серьезным отношением

к работе, а также наказание за попытки коррупции и недобросовестность¹» [3].

Партия заслужила одобрение широких масс населения не только благодаря твердости в выполнении обещаний широким массам населения, но и благодаря умелому руководству страной в период непредвиденных катастроф. Особенно ярко это проявилось в ходе пандемии COVID-19. Быстрее всех в мире китайцы справились с массовым распространением болезни и в течение года восстановили допандемийный уровень экономической производительности. Поначалу западные обозреватели пытались объяснить вспышку коронавируса в Китае беззаботностью партии по отношению к нуждам населения, однако потом пришлось сменить тон с критики на восхищение. Опыт Китая сейчас изучается многими странами мира, и всюду, где он был применен, заметны позитивные результаты. Западные обозреватели вынуждены признать, что высокая дисциплинированность, организованность, ответственность, которые воспитывала КПК в китайском народе в течение десятилетий, не только дали свои плоды в ходе борьбы с COVID-19, но и, скорее всего, станут основой для продолжения научно-технического и социального прогресса Китая в ближайшем будущем.

Развитие Китая движется напряженными социально-экономическими шагами, однако их темп неспешен. КПК обещает к 1949 г. превратить Китай в общество средней зажиточности. В ходе этого процесса уже удалось ликвидировать бедность, создать условия для экономического прогресса ранее отсталых регионов страны, преодолеть ряд культурно-этнических сложностей, в значительной степени генерированных явно тайным и неизменно недружелюбным вмешательством западных стран, в особенности США. Сотрудник американского Центра стратегических и международных исследований Дж. Бланшет отмечает неспешность и осторожность, с которыми Китай движется по пути реформ и преобразований. Она пишет: «Ограничивая свое видение перспективы 15 годами, Си Цзиньпин внедрил ощущение уверенности и настойчивости в китайскую политическую систему, которое, безусловно, поможет Китаю преодолеть долгосрочные внутренние вызовы и достичь нового уровня глобальной безопасности. Если деятельность Си Цзиньпина увенчается успехом, Китай выйдет на глобальные позиции архитектора новой мультиполярной эпохи, а его экономика избежит так называемой западни среднего дохода. Технические возможности производящего сектора Китая и военная гарантия увеличат уверенность Китая» [4].

Сегодня многое указывает на то, что американское стратегическое мышление даже трудами его выдающихся экспертов не смогло предвидеть все опасности китайского успеха для американского

гегемонизма. Похоже, этому послужило то обстоятельство, что первоначально американский инвестиционный капитал осторожничал и не спешил входить в Китай, поручая это японскому и западноевропейскому бизнесу. Успех инвестиционной политики Запада был таким, что в 1980–90-х гг. Китай сумел создать новую глобальную структуру взаимозависимости с развитыми экономиками Запада и молодой модернизированной китайской экономикой. Огромные потоки товаров потребления хлынули из Китая в Европу и другие страны. Производились они на предприятиях западных фирм, разместившихся в Китае с началом аутсорсинга, т. е. перемещения производственных мощностей из западных стран в Китай, где есть относительно дешевая и квалифицированная рабочая сила. Это позволяло им намного увеличить норму прибыли по сравнению с западноевропейским и американским экономическим континентом. Американский инвестиционный капитал хлынул в Китай примерно в конце XX в., и уже в первую декаду столетия стало очевидно, что экономические взаимозависимости Китая и США таковы, что реализовать задачу подчинения китайских программ развития интересам Запада невозможно. В целях ослабления Китая США начали проводить осторожную долгосрочную политику его сдерживания, подтверждая экономические шаги военными мерами. В конце пребывания у власти президент Б. Обама фактически сумел заключить долгосрочное торговое соглашение о Транстихоокеанском партнерстве двенадцати стран Азии и Латинской Америки, которое создало бы своеобразную силу, сдерживающую глобальные цели Китая.

Президент Д. Трамп, развивая программу «Америка превыше всего», решил пойти дальше. Он отказался от относительно замедленного действия программы Транстихоокеанского партнерства в пользу резких ограничительных мер по отношению к Китаю в виде таможенных пошлин, сборов, т. е. обязательных дополнительных поставок, которые бы увеличили выгоду от двусторонних отношений для США. В ходе президентства Д. Трампа обрела жизнь стратегия длительного взаимного противостояния между США и КНР в экономической области, которая, безусловно, сказалась и на политической сфере. Д. Трамп позволил себе ряд оскорбительных действий в адрес Китая, обвиняя китайское руководство в том, что оно якобы содействовало распространению пандемии. Были придуманы и другие «страшилки» в целях сформировать в общественном мнении США и западных стран негативный имидж Китая, который резко контрастировал с господствующим ранее восторгом экономическими успехами и прогрессивными мерами КНР.

Характерно, что при этом в США и других западных странах была развернута активная пропа-

¹Здесь и далее перевод наш. – И. А.

ганда, в ходе которой вину за ухудшение отношений возлагали на китайскую сторону. В частности, Дж. Бланшет пишет: «Дома Си Цзиньпин поощряет националистические чувства, представляя Китай как страну, окруженную врагами, и распространяя глубоко эмоциональное и во многом искаженное видение прошлого, в частности романтизируя китайскую борьбу против японцев во время Второй мировой войны и “победу” над США в Корейской войне. Заявляя о том, что Китай вступил в период повышенного риска от “враждебных зарубежных сил”, Си Цзиньпин пытается приучить граждан Китая к тому, что впереди более трудные времена и стабилизировать ситуацию может только Коммунистическая партия Китая» [4, р. 16].

Надо признать, что с учетом разнузданной антикитайской риторики, которая исходила из уст президента Д. Трампа и его многочисленных адептов по созданию враждебного окружения у Китая, есть немалые основания гордиться героизмом КНР в условиях Второй мировой войны. Китайское руководство понимает и то, что планы США по принудительному объединению Корейского полуострова в начале 1950-х гг. потерпели провал в значительной степени по той причине, что Китай координировал свои действия против американской агрессии как руководством КНДР, так и с СССР.

Американские наблюдатели говорят о том, что «...Мао Цзэдун и Дэн Сяопин демонстрировали стратегическую осторожность, утверждая интересы Китая в глобальных масштабах. В частности, Мао Цзэдун говорил президенту Р. Никсону, что Китай может подождать и 100 лет, прежде чем вернуть себе Тайвань, а Дэн Сяопин провел переговоры по возвращению Гонконга, дав обещание не спешить в течение 50 лет. Оба лидера осознавали относительную хрупкость Китая и важность осторожного, нюансированного государственного подхода. Си Цзиньпин не разделяет их единодушия и уверенности в том, что главные решения должны быть долгосрочными» [4, р. 17].

Похоже, что осторожная политика Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина в какой-то мере усыпила бдительность американских стратегов, что и дало Китаю возможность осуществить главные программы модернизации в относительно спокойном международном окружении. Китайская мощь, уверенность и стратегические ресурсы дают основание нынешнему руководству ускорять движение, отвергать настойчивые притязания Запада вмешиваться в дела государства и препятствовать его росту. Только сейчас многие западные аналитики осознают, насколько умело и решительно Китай провел свои преобразования буквально у них под носом, сохраняя социалистические основы хозяйствования и развивая экономический потенциал, способный удовлетворить национальные потребности на современном этапе и в ближайшей перспективе.

Д. Роузен, один из ведущих специалистов США по Азии, пишет: «Во время эпохи реформ, начатых Дэн Сяопином в 1978 г., партия ослабила контроль над экономическими силами, допустив инфляцию, внутренние потоки капитала и безработицу. Для того чтобы обеспечить экономический рост и внедрение инноваций, Пекин пригласил иностранцев в стратегически чувствительные области китайской экономики, такие как телекоммуникации, воздухоплавание. «Священные коровы» коммунистической идеологии были принесены в жертву этому движению. Когда Дэн Сяопин начал процесс реформ, государство определяло почти все цены на продукты и другие товары народного потребления. Ко времени, когда Китай присоединился ко Всемирной торговой организации в 2001 г., все цены, за небольшим исключением, формировались на свободном рынке. В 1990-х гг. КПК закрыла более 100 тыс. государственных предприятий, высвободив этим около 20 млн работающих. К 2020 г. партия позволила иностранцам организовать бизнес-структуры в Китае стоимостью более 3 трлн долл. США. Многие из этих предприятий находились в совместном владении с китайскими бизнесменами» [5, р. 20].

В основе китайского успеха лежит ленинская формула нэпа – использование частного предпринимательства под контролем социалистического государства в целях ускоренного накопления общественного богатства в размерах, необходимых для удовлетворения основных жизненных потребностей граждан. К сожалению, реальный социализм, свершившийся в ходе социалистических революций в свое время в России, а в 1949 г. в Китае, в условиях весьма слаборазвитой экономической базы не смог создать механизмы накопления общественного богатства, способного удовлетворить растущие запросы населения. Понимая это, В. И. Ленин экспериментировал с инициативой частной собственности, которую в конце 1920-х гг. ВКП(б) сочла угрозой для социалистических оснований российского общества и ликвидировала административным способом.

Угрозы существования и развития инициативы частной собственности для социалистической системы Китая стали очевидны во второй декаде XXI в., когда рост бизнес-коррупции тормозил многие социальные программы КПК. Именно поэтому в условиях прихода к власти Си Цзиньпина партия развернула безжалостную борьбу против коррупционеров, наживающихся в ходе модернизации, в том числе в своих рядах. Это нелегкая борьба, однако она помогает сохранить частнособственническую инициативу в Китае под контролем КПК и направить ее на пользу всему обществу. Частнособственническое присвоение национального богатства в Китае не стало нормой. Китайский бизнес подвергается достаточно жесткому контролю с точки зрения социальных нужд и потребностей, морально-этических и других

критериев. Это позволяет сохранить успешную социально-экономическую систему, производящую общественные богатства.

Пытаясь понять суть процессов производства и распределения благ в Китае, американские исследователи даже проводят аналогии с периодом ускоренного накопления, который был известен в США как золотая эпоха. Американский исследователь китайского происхождения Й. Анг характеризует ее следующим образом: «Золотая эпоха, которая началась в 1870-х гг., была эпохой коррумпированного капитализма, хотя и выразилась в чрезвычайном росте и трансформации общественных отношений. После гражданской войны Соединенные Штаты вступили в период расцвета. Миллионы фермеров ушли с полей на фабрики, инфраструктура подверглась долгосрочному преобразованию. Коммерческие проекты, технологии способствовали росту новых видов промышленности и свободному потоку капитала. В ходе этого процесса предприниматели, которые ухватились за новые возможности (П. Стэнфорд, Дж. П. Морган, Дж. Д. Рокфеллер), накопили титанические объемы богатства, а новый рабочий класс, к сожалению, довольствовался весьма скромным повышением жалования. Политики вошли в согласие с олигархами, а спекулянты манипулировали рынками. Несмотря на все это, вместо дезинтеграции коррупция золотой эпохи вызвала экономический, социальный и политический прогресс» [6, р. 30].

Также Й. Анг проводит аналогию между китайскими и американскими процессами модернизации: «Китай сейчас переживает собственную золотую эпоху. Частные предприниматели сказочно обогащаются благодаря специальным привилегиям, гарантированным правительством, а чиновники – на содействии этому. Осознавая опасность коррумпированного капитализма, китайский президент Си Цзиньпин пытается противостоять коррупции и достичь социального равенства» [6, р. 30].

Разница в американской и китайской программах модернизации, однако, весьма значительная. Автор признает, что резкий рост богатства в частных руках в США не привел к повышению благосостояния рабочего класса. В КНР ситуация иная. Руководство КПК видит опасность чрезмерного обогащения когорты предпринимателей. Жесткая бескомпромиссная борьба с коррупцией, которая ведется в течение второй декады XXI в., свидетельствует о том, что Китай способен справиться с этим злом. При этом, в отличие от США, успехи модернизации в Китае распределяются в обществе равномерно и справедливо. Именно благодаря этому страна покончила с бедностью, ориентируется на создание общества средней зажиточности, а благосостояние населения является одновременно целью и критерием развития.

Возрастающая конфликтность китайско-американских отношений вызвана, безусловно, не тем, что Китай планирует свою стратегию мирового господства, а тем, что США не привыкли видеть на мировой арене соперника, равного себе по экономической силе, стратегическим ресурсам и целям национальной политики. Исходя из этого, США стремятся внедрить в международные отношения так называемый вашингтонский консенсус, заставить Китай (как им до этого удавалось заставить другие ведущие государства мира) следовать только их курсу, предполагающему подчинение национальных целей развития корыстным интересам США. Суть конфликта состоит именно в этом, что признают многие американские исследователи. Данная ситуация является, безусловно, очевидной для китайских экспертов. «США и Китай вступили в эпоху конфликта, который может оказаться более длительным, всеохватывающим и интенсивным, чем любое другое международное соперничество в современной истории, включая холодную войну, – пишет президент Института международных и стратегических исследований Пекинского университета Ван Цзисы. – В обеих странах растут опасения, что конфликт может дойти до открытого военного противостояния. За прошлую декаду вашингтонский консенсус сдвинулся в сторону более конфронтационного отношения к Пекину. Он достиг пика во время администрации Д. Трампа, которая продемонстрировала открытую враждебность по отношению к КПК, демонизировала ее» [7, р. 48].

Китайцы трезво оценивают соотношение индустриально-технических, промышленных, финансовых возможностей, стратегических перспектив Китая и США. Ван Цзисы отмечает по этому поводу: «Несложно понять, почему США рассматривают Китай в качестве соперника. Большинство аналитиков полагают, что к концу 2021 г. ВВП Китая составит 71 % от ВВП США. В 1980-х гг. во время холодной войны советский ВВП составлял меньше 50 % от американского. Между тем Китай сменил США в качестве главной цели инвестиционных потоков. Американцы все в большей степени понимают, что в состязании с Китаем преимущество за Пекином» [7, р. 48].

Тем не менее ничто не оправдывает жесткую, бескомпромиссную позицию США, суть которой сводится к тому, чтобы помешать Китаю реализовать свои национальные цели и добиться стратегического преимущества. Достаточно вспомнить слова президента Дж. Байдена в одном из его первых заявлений после вступления в должность. Он сказал, что поскольку главная цель Китая состоит в том, чтобы стать ведущей, самой богатой и могущественной страной мира, то его (президента США) цель состоит в том, чтобы не дать этому случиться [7]. Поэтому американские СМИ формируют в широких кругах населения враждебное отношение к Китаю, недоверие к его нацио-

нальным и стратегическим целям, выражают надежду, что ускоренный рост Китая остановится и страна войдет в период стагнации и упадка.

Пока этого не происходит, и следует ожидать, что антикитайская полемика со стороны ведущих СМИ США усилится, американские руководители будут придумывать все новые поводы для враждебного отношения к Китаю, дискредитируя его внешнеполитические цели и задачи.

Тем не менее в мировом общественном мнении Китай все больше обретает облик страны, которая оказывает позитивное воздействие на другие страны своими успехами. Реализуемые Китаем программы развития всюду имеют широкий социально-экономический охват. Безусловно, китайские компании за рубежом в развивающихся странах нацелены на то, чтобы их деятельность была прибыльной, но при этом способствуют выведению широких масс населения из бедности, осуществлению транспортных и иных инфраструктурных проектов, помогают руководству этих стран решать задачи успешного управления [8, p. 87].

В сентябре 2013 г., вскоре после вступления в должность, глава КНР Си Цзиньпин прибыл в Астану, столицу Казахстана. «В течение столетий, – заявил Си Цзиньпин, – народы различных стран вдоль Шелкового пути совместно писали страницу дружбы, которая была передана нам. Сама история Шелкового пути свидетельствует о том, что народы разных этнических корней, убеждений и культурных традиций вполне способны создавать программы мирного развития» [8, p. 88]. Так впервые было объявлено о восстановлении старинного Шелкового пути.

Аналитики США поначалу отнеслись к этому не очень серьезно. Дело в том, что подобного рода инициативы предлагали лидеры и других государств, в том числе сами американцы. После вторжения в Ирак в 2003 г. американские дипломаты и политики начали вести речь о создании транспортных путей, проходящих через сердце Азии. Р. Баучер, на тот момент заместитель госсекретаря США, высказал это намерение достаточно конкретно. Он отметил, что целью США является восстановление древних связей между Южной и Центральной Азией и создание новых контактов в сфере торговли, транспорта, демократии, энергии и коммуникации.

Эти же идеи в своих многочисленных выступлениях развивала Х. Клинтон. Однако дальше рассуждений дело не пошло. Брать в сотрудничество КНР в качестве равноправного партнера США явно не хотели. Инициатива сама собой заглохла. Однако речь Си Цзиньпина в Астане вылилась потом в новую программу, развернутую в глобальных масштабах КНР и получившую название «Один пояс – один путь». Стратегическая задача, по мнению китайских политиков, состояла в том, чтобы поощрить китайский бизнес, частнособственническую и государственную

инициативу и по мере решения внутренних задач обеспечения благополучия своих граждан выходить за пределы Китая в целях реализации проектов в основном в развивающихся странах с тем, чтобы помочь им преодолеть тяжелое колониальное наследие нищеты и неравенства и создать сообщество свободных наций, работающих над планом глобального развития, приносящего пользу всем [8, p. 92].

К концу второй декады XXI в. 84 страны согласились принять участие в этой великой программе. Она включает республики Центральной Азии, страны Южной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Турцию, Восточную Европу, многочисленные страны в Африке и в районе Карибского моря. Новый китайский глобальный проект охватывает регионы с населением около 4,5 млрд человек и ВВП более 20 трлн, что составляет около 30 % мирового ВВП. Всемирный банк развития, подключившись по настоянию американцев к изучению инициативы «Один пояс – один путь», раскрывает реальные объемы программы: «Объемы грузовых транспортных перевозок увеличатся на 20 % во всех странах – участниках инициативы, а транспортные торговые издержки уменьшатся на 10 %. Эти объемы обещают оказать существенное влияние на мировые торговые потоки. Председатель КНР убежден, что реализация инициативы “Один пояс – один путь” придаст человеческой цивилизации новые позитивные характеристики. Даже критически настроенные западные обозреватели полагают, что данная программа является частично искусством, частично наукой, представляющей собой непрерывно углубляющийся и расширяющийся проект» [8, p. 93].

Автор этой оценки, австралийский исследователь П. Франкопан, пишет: «Проект “Один пояс – один путь” является всеохватывающим, способным включить в себя все и вся. Этому не надо удивляться, ведь именно такую роль играл Шелковый путь в прошлом. В ходе того, как важные события свершались в одной части света, они давали о себе знать в другой. <...> Именно из-за того, что новая программа отталкивалась от Шелкового пути, она обладает особой привлекательностью. Когда первый прямой состав прибыл по железной дороге в Бендер-Энзели на берегу Каспийского моря в Иран летом 2018 г., вице-президент Ирана Эсхак Джахангири немедленно заявил о том, что восстановление Шелкового пути является торжеством Ирана. Вместо того чтобы отождествить новый проект с китайским государством, Э. Джахангири пришел к другому выводу: “Воссоздание торгово-экономических контактов по центру Азии является восстановлением культурных, исторических и цивилизационных традиций Ирана с соседними странами”» [8, p. 94].

Программа имеет не только прямой экономически рентабельный смысл, но и становится источником национальной гордости за возможность

воссоздать хорошие отношения стран в регионе и построить новые цивилизационные модели, способные помочь реализации национальных целей и задач.

Компоненты Нового шелкового пути впечатляют. Китайско-пакистанский экономический коридор, который представляет собой мощную транспортную конструкцию, где расположены пакгаузы, места хранения, транспортировки и передачи товарных масс, использования железных дорог и так называемых сухих портов вроде Хоргоса на границе Китая и Казахстана, становится важнейшим пунктом для перегруппировки товарных потоков, создания финансовых структур, а также новых рабочих мест. Следует, однако, учитывать, что программа «Один пояс – один путь» вряд ли была бы воссоздана в своем историческом, не говоря уже о современном, облике, ни одной из стран, которые расположены на этом пути, в одиночку. Данная инициатива принадлежит новому Китаю. Она не только отвечает национальным интересам КНР, но и направлена на то, чтобы обеспечить взаимную выгоду для всех стран, находящихся на этом пути. Создается рынок энергоресурсов, реализации сельскохозяйственной продукции, транспортно-коммуникационных развязок и инициатив. В целом переход от национальных к глобальным инфраструктурным проектам свидетельствует о том, что Китай, как это отражено в оценке МВФ, выходит на уровень высокоскоростного и высококачественного роста.

Западные исследователи современной цивилизации упрекают Соединенные Штаты в том, что, контролируя в течение последних 70 лет европейское экономическое, социальное и политическое пространство, Америка игнорировала Восток. Там сегодня, по их мнению, происходят события чрезвычайной исторической важности. По словам португальского исследователя Б. Мацаеса, «...Россия смотрит сейчас сразу в четырех направлениях, отходя от первоначальной траектории, заданной ее двуглавым орлом. Обычно российские элиты видели свой долг в том, чтобы интегрироваться с более продвинутой Европой. Теперь этот проект заменяется новым самосознанием: в качестве центра Евразийского сверхконтинента Россия может распространять свое влияние одновременно во всех направлениях и обеспечить мост между Европой и Китаем в обе стороны» [9, р. 3].

Правда, автор, не приводя конкретных доказательств, признает, что пока это проект, который может существовать лишь в головах радикальных российских политиков. Зато о другом глобальном проекте – китайском – исследователи говорят с гораздо большей уверенностью: «Как только мы начинаем перечислять центры влияния, которые могут свести воедино Евразию, первое место следует отдать Китаю и его главному политическому проекту “Один

пояс – один путь”. На карте его можно представить как девять крупных стрелок, пересекающих Евразию во всех направлениях: шесть экономических коридоров по суше и три – по морю. Главная цель этого проекта – создать новую глобальную экономику и разместить Китай в ее центре. Сегодня евразийская торговля достигает 2 трлн долл. США каждый год и имеет тенденцию к удвоению, что намного превышает торгово-экономические проекты стран Тихоокеанского партнерства (так и не состоявшегося по факту. – И. А.). Благодаря торговле по этим путям неизбежно хлынут финансовые потоки, что обеспечит политическое и культурное влияние. Тот, кто сумеет построить, объединить и контролировать инфраструктуру двух концов Евразии, будет править миром» [9, р. 3].

Как видим, западные теоретики рассматривают будущее миропорядка исключительно в терминах господства. Поскольку до сих пор данную задачу ставили себе США, постольку вопрос их мирового господства занимает ведущее место в этих размышлениях. Б. Мацаес прямо говорит, что «...“Один пояс – один путь” является китайским планом построения нового мира, который заменит международную систему, управляемую Соединенными Штатами. Если это удастся, “Один пояс – один путь” будет тождествен миропорядку подобно тому, как сегодня, употребляя термин “Запад”, мы имеем в виду весь миропорядок. Таким образом, уже сегодня “Один пояс – один путь” представляет собой в основных своих чертах карту будущего мира в тех параметрах, в которых он представляется Китаю. Что мы видим на этой карте? Китай является единственной страной, которую можно назвать универсальной, способной превзойти границы и направить влияние в самые отдаленные регионы мира. Все это означает признаки сверхдержавы, отличной от американской сверхдержавы» [9, р. 5].

Б. Мацаес продолжает: «Карта распространения проекта “Один пояс – один путь” меняет облик мира. США оказываются отодвинутыми в сторону. Япония, Австралия и регионы Западной Европы могут еще сохранить какие-то привилегированные отношения с Америкой, но у Китая будет достаточно влияния, чтобы ослабить эти связи. Что же касается Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Центральной и Восточной Европы, то Китай вовлечет их в свою орбиту без всякого труда» [9, р. 6].

Это, конечно, грозные проекты, но они, правда, не согласовываются с китайскими планами. Объявляя новую программу развития Китая на XIX Все-китайском съезде КПК 18 октября 2017 г., председатель КНР Си Цзиньпин обозначил направления: «Оставаясь верными нашей первоначальной цели и ни на минуту не забывая о нашей миссии, высоко неся знамя социализма с китайской спецификой, добиться решающей победы в полном построении

среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху, неустанно бороться за реализацию китайской мечты о великом возрождении китайской нации» [10].

Таким образом, Китай развивает себя сам, и это максимально отвечает интересам китайского народа. Путь КНР к современному экономическому и научно-техническому могуществу был долгим и трудным. Он сопряжен со многими неудачными и трагическими экспериментами, поэтому нынешний социально-экономический цивилизационный рывок является беспрецедентным событием в мировой истории. В течение десятилетий отсталая в экономическом отношении, но одухотворенная социалистическими идеями страна совершила научно-техническую революцию, умело используя и частнопредпринимательскую инициативу, и общественную целенаправленность производства, сохраняя контроль за средствами производства, сделала гигантские шаги по фактическому снижению социального неравенства, ликвидации эксплуатации и многовековой нищеты. Мы разделяем позицию Б. Мацаеса, при этом отметим, что Китай остается пока единственной страной, которая выводит цели своего социально-экономического развития за пределы сугубо национальных приоритетов и задач. Это тот беспрецедентный в историческом и цивилизационном отношении случай, когда прерогатива развития одной страны совпадает с задачами и надеждами всего мира.

Понятно, что китайские теоретики прекрасно понимают, что реализация целей и задач столь глобального масштаба произведет серьезные изменения в миропорядке. Осуществление целей и задач цивилизационной трансформации, начатое Китаем, по убеждению китайских теоретиков, требует и новой политической философии. Один из них, Чжао Тинян, пишет: «Современная политическая философия основана на политической теории, которая не обладает универсальным значением. Это в основном теория, ограниченная национальными пределами. Нужно найти новый исходный пункт для политической теории. Первое место в ней должен занимать принцип включения мира. Только в этом случае политическое мышление сумеет обрести универсальное значение, которое будет полезным для всего мира» [11, S. 29].

Критерием инклюзии мира (так автор называет китайскую стратегию строительства нового типа общественных отношений на основе взаимоуважения и выгоды) является прежде всего сохранение мира при наличии взаимопонимания и равновесного влияния ведущих мировых сил на глобальные процессы [11, S. 32].

Звучит не совсем ясно, так как это только проект. Более конкретные его формы станут заметны по мере реализации мировой стратегии взаимозависимого

экономического развития на основе общности интересов и взаимной выгоды. Главное, по мнению автора, достичь мировой справедливости. Для этого в существенном изменении нуждается и сложившаяся политическая система демократии, которая до этого исходила из принципа заинтересованности и полезности для отдельных политических сил. Сейчас ее следует переориентировать на принцип равноправия взаимодействующих стран и народов.

Именно в ходе реализации нового мирового порядка справедливости может быть осуществлен ведущий принцип, сформулированный в свое время, но не до конца реализованный в социалистической системе, которая строилась в Советском Союзе: от каждого требуется вклад в общее дело по возможности, и каждый становится равноправным участником распределения по труду [11, S. 103]. Заметим, что это основополагающий социальный и этический принцип, гарантии свободы личности, которые после распада реального социализма в СССР подверглись всевозможным фальсификациям и издевательствам. Восстанавливая их в качестве цели мирового цивилизационного и национального развития, КНР регенерирует исторические условия, в которых социализм может выступить в качестве альтернативы современному капитализму.

Правда, КПК движется по этому пути с максимальной осторожностью. Ее теоретики говорят о том, что до сих пор мировая история не представляла собой единое целое, а человечеству все еще предстоит воспринять мир единым. Си Цзиньпин пишет: «Мир, в котором мы живем, сегодня, как и в прошлом, перенял только физический смысл, т. е. земной шар, как единое физическое целое, однако этот мир еще не может быть охарактеризован как мир единого интереса, в котором все жители могут участвовать на принципах равноправия. Именно поэтому современный мир, единый своей материальностью, не имеет единого политического статуса, т. е. всеобщего целостного политического бытия. Мир сегодня еще не мир» [11, S. 181].

Мир, как единое целое, должен обладать единым политическим самосознанием и едиными целями. Чжоу Тинян говорит о том, что полезные идеи для этого мира могут быть найдены в китайском опыте, в частности в эпохе исторической династии. Чжоу Тинян пишет: «Новые реальности могут складываться только исходя из соотношения сил в ходе совместных действий по преодолению мировых вызовов и угроз» [11, S. 194].

Ясно, однако, что этот новый миропорядок, хотя еще и не обрел окончательных политических, идеологических, нравственных измерений, несовместим с глобальным гегемонизмом США, целью которого на протяжении XX–XXI вв. является подмена интересов человечества национальными интересами США, а также готовность навязывать эти интересы

и формы их реализации всеми средствами, начиная от информационной и идеологической агрессии и заканчивая военной силой. Однако факт, что в течение XXI в., как уже неоднократно отмечалось, силовые варианты решения проблем гегемонизма не приносили США реальных результатов. Надо полагать, что ресурс навязывания миру этой страной своих целей, ценностей и контуров миропорядка в значительной степени исчерпан.

Успешное социально-экономическое развитие Китая представляет сегодня явную угрозу задачам и целям американского господства в мире. Хотя оно, очевидно, ослаблено, отказываться от него США пока не собираются. Именно поэтому новый президент США Дж. Байден яростно ополчился против стремления Китая реализовать свои цели развития, публично заявив о том, что он не допустит становления Китая в качестве первой мировой сверхдержавы, позаботится о том, чтобы этого не случилось не только во время его пребывания в Белом доме, но и в последующие десятилетия. Это жесткое, агрессивное противостояние национальным интересам и глобальным целям Китая получило название новой китайской доктрины Байдена, которую английский журнал *The Economist* характеризует таким образом: «Мистер Байден и его команда основывают свою доктрину на убеждении, что Китай менее заинтересован в сосуществовании и более – в господстве. Задача американской политики состоит в том, чтобы разрушить китайские планы и амбиции. Америка будет работать с Китаем в областях общего интереса, таких как климатические изменения, но противостоять его целям всюду в мире. Это означает создание новых условий силы внутри страны и сотрудничество с союзниками в целях создания экономических, технических, дипломатических и военных возможностей совместного влияния» [12, р. 11].

Правда, в этом материале тут же делается оговорка, что, несмотря ни на что, Китай станет в ближайшее время ведущей экономикой мира, это обе-

спечит колоссальный рост его влияния в глобальных масштабах. Безусловно, сотрудничество с Китаем в собственных интересах будут искать (и уже ищут) нынешние американские союзники, которые после позорного бегства США из Афганистана еще раз смогли убедиться, что Америка сегодня не обладает достаточными возможностями для глобального доминирования.

Успех социализма с китайской спецификой как внутри государства, так и в программах поддержки прогрессивного развития стран и народов мира, готовых к сотрудничеству, позволяет дать осторожную оптимистическую оценку будущей китайской перспективе. Конечно, агрессивное поведение США и нетерпимость по отношению к любой стране, которая решает свою задачу экономического и политического развития самостоятельно, в данном случае создает новые трудности. Китайско-американская конфронтация, инициированная политическими элитами США и преследующая только узконациональные цели, может привести к десятилетиям новой холодной войны, которая по своим последствиям будет более серьезной, чем холодная война во второй половине XX в. Однако это не остановит Китай. Его цели и инициативы, безусловно, смогут в значительной степени повернуть исторические события на социалистический путь развития.

Великая Октябрьская социалистическая революция в трудах ее авторов изначально задавала себе мировые масштабы. Из этого ничего не получилось, хотя ее влияние оставалось решающим на протяжении всего XX в. Китайская революция не ставила себе целей мирового распространения и господства, сознательно сужая историческую перспективу интересами китайского народа, однако успехи Китая в строительстве нового общества, безусловно, могут стать позитивным примером, а программа международного сотрудничества – привести к становлению миропорядка, в котором социалистические идеи обретут новое звучание и мощь.

Библиографические ссылки

1. What happens in China after Xi Jinping's rule will shape the world's future. *The Economist*. 2021 July 17.
2. Garside R. *Coming alive: China after Mao*. New York: McGraw-Hill; 1981. 458 p.
3. The Anaconda Effect. *The Economist*. 2021 June 26.
4. Blanchette J. Xi's Gamble. *Foreign Affairs*. 2021 July – August.
5. Rosen DH. China's Economic Reckoning. *Foreign Affairs*. 2021 July – August.
6. Yen Ang. The Robber Barons of Beijing. *Foreign Affairs*. 2021 July – August.
7. Wang Jisi. The Plot against China? *Foreign Affairs*. 2021 July – August.
8. Frankopan P. *The new silk roads: the present and future of the world*. London: Bloomsbury publishing; 2019. 356 p.
9. Maçães B. *Belt and Road: a Chinese world order*. London: Hurst & Co.; 2018. 228 p.
10. Си Цзиньпин. Добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху [Интернет; процитировано 14 октября 2021 г.]. URL: <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=7069>.
11. Zhao Tingyang. *Alles unter dem Himmel. Vergangenheit und Zukunft der Weltordnung*. Beijing: Suhrkamp Verlag; 2018. 259 S.
12. Biden's New China Doctrine. *The Economist*. 2021 July 17.

References

1. What happens in China after Xi Jinping's rule will shape the world's future. *The Economist*. 2021 July 17.
2. Garside R. *Coming alive: China after Mao*. New York: McGraw-Hill; 1981. 458 p.
3. The Anaconda Effect. *The Economist*. 2021 June 26.
4. Blanchette J. Xi's Gamble. *Foreign Affairs*. 2021 July – August.
5. Rosen DH. China's Economic Reckoning. *Foreign Affairs*. 2021 July – August.
6. Yen Ang. The Robber Barons of Beijing. *Foreign Affairs*. 2021 July – August.
7. Wang Jisi. The Plot against China? *Foreign Affairs*. 2021 July – August.
8. Frankopan P. *The new silk roads: the present and future of the world*. London: Bloomsbury publishing; 2019. 356 p.
9. Maçães B. *Belt and Road: a Chinese world order*. London: Hurst & Co.; 2018. 228 p.
10. Si Czin'pin. To achieve a decisive victory in the complete construction of a middle-class society, to win a great victory of socialism with Chinese characteristics in a new era [Internet; cited 2021 October 14]. URL: <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=7069>. Russian.
11. Zhao Tingyang. *Alles unter dem Himmel. Vergangenheit und Zukunft der Weltordnung*. Beijing: Suhrkamp Verlag; 2018. 259 S.
12. Biden's New China Doctrine. *The Economist*. 2021 July 17.

Статья поступила в редколлегию 23.11.2021.
Received by editorial board 23.11.2021.